

СТАТЬИ

В. Н. БЫСТРОВ

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО А. БЛОКА И АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Неоспоримо влияние античной философии на раннее творчество Блока. Она существенно определяла его умонастроения и мировосприятие. О том, какое важное значение имели для молодого Блока идеи Платона и пифагорейцев, писали и пишут все, кто пытается воссоздать духовную биографию и творческую эволюцию поэта; это стало уже общим местом (главным образом имеются в виду идеи “двоемирия”, “переселения душ”, “вечного возвращения”, прапамяти, “числа” как значимого элемента мира и т. д.). Но как нередко случается, очевидное быстро перестает интересовать, привлекать внимание, поле исследования суживается, повторяются одни и те же очевидные постулаты. Между тем, вопрос о воздействии античной философии на поэтическое сознание и лирику Блока далеко еще не исчерпан¹. Особенно ощутим недостаток конкретного анализа, который помог бы выявить, как-то обозначить круг навеянных античностью тем, идей, образов, которые прямо или опосредованно отразились в творчестве Блока периода “Ante Lucem” и “Стихов о Прекрасной Даме”.

Далеко не всегда удается легко обнаружить этот философский “пласт”, подтекст в ранней лирике Блока, осложненной причудливой многозначностью, эзотеричностью, загадочностью мотивов и образов. Иногда встречаются какие-то внешние знаки, приметы (заглавие, эпиграф, прозрачный намек, узнаваемые черты далекой эпохи и т. п.), облегчающие задачу исследователя-интерпретатора, но в целом многие поэтические реалии, связанные с углубленным чтением античных мыслителей, выявляются в стихах Блока с трудом (нередко, за неимением веских доказательств, о влиянии “древних авторов” в том или ином случае приходится говорить лишь предположительно). Этому есть свое объяснение: Блок переживал философские факты, идеи, догадки как лирик, и они,

будучи пропущены сквозь призму его души и взволнованного сознания, во многом видоизменялись, утрачивая конкретику исконного смысла и связь с первоисточником, они как бы поглощались другим творческим контекстом и иной, эмоциональной, стихией; древняя мысль в новом, изощренном сознании перерождалась, делалась более зыбкой и сложной. И все-таки есть необходимость и возможность установить (пусть порой приблизительно) источники целого ряда блоковских мотивов, символов, аллюзий, восходящих, так или иначе, к сочинениям античных философов. Как известно, в стихах Блока запечатлелись не только чувства и раздумья, дарованные или подсказанные жизнью, но и то, что было извлечено из книг. Попытки учесть многостороннее духовное воздействие древних мыслителей на раннее творчество Блока помогут в чем-то прояснить некоторые “темные”, загадочные тексты.

Конечно же, наблюдения эти (имеющие значение для анализа конкретного текста) могут стать тем весомее, чем убедительнее и достовернее они соотносены с контекстом “не только поэтических, но и жизненных духовных поисков” Блока². Как справедливо отметила Д. Магомедова, античность была для молодого Блока “одним из средств войти в духовную жизнь современной эпохи...”³. Добавим к этому, что она была для Блока также средством самопознания, самоопределения, одной из опор его юного мирозерцания...

1

Живой, глубокий и целенаправленный интерес к истории античной философии появился у Блока шахматовским летом 1900 г. Характеризуя позднее это время, он в мемуарной дневниковой записи от 30 (17) августа 1918 г., в частности, отметил: “Начинается чтение книг; история философии. Мистика начинается. < ... > Начинается покорность богу и Платон” (VII, 342). По напряженности духовных поисков, насыщенных метафизическими переживаниями, эти месяцы были своего рода преддверием “мистического лета” 1901 г. Существенно, что Блок фиксирует хронологическое совпадение трех, определенным образом взаимосвязанных, “начал”: начало изучения философии, углубленное знакомство с творениями Платона, зарождение мистического мироощущения.

В одном из стихотворений той поры Блок так выразил борения разума и души (“мудреца” и “певца”), вызванные погружением в мир древности:

В седую древность я ушел, мудрец.
Эллада холодна. Безмолвствует певец.

Эллада умерла, стяжав златой венец
И мудрости, и силы, и свободы.

Ту мудрость я передаю уму.
Ту силу я провижу и пойму.
Но жизнь души свободной не уйму —
Затем, что я — певец природы.

В холодном мраке эллинских могил
Я ум блуждающий напрасно укрепил.
Но пролил в сердце жар глубокий.
И первый зов души мне будет приговор.
Седеющих веков меня покинет взор,
И в мир вернусь один — для песни одинокой .
(27 августа 1900; I, 457 — 458).

Это важное свидетельство. Подобное восприятие истории философии было характерно для Блока. Многое, почерпнутое из сочинений древнегреческих мыслителей, становилось частью его сознания, интеллекта, способствуя рациональному познанию мира, укреплению “блуждающего ума”. Но, вместе с тем, буйная лирическая натура поэта, “певца природы”, как бы устанавливала предел умственному постижению, подчиняясь силам душевных стихий. И где-то на грани рассудочного познания и безрассудной жизни души и рождался первый мистический опыт. Блоку с юности чудилось присутствие в окружающем, в природе, во вселенной некоего сокровенного смысла, и ему хотелось приблизиться к разгадке тайны. Процесс постижения носил двоякий характер: знакомство с философией древних, с одной стороны, помогало проникнуть в суть метафизических явлений, но с другой — служило подоплекой мистических идей и переживаний, верований и откровений. Поэтому восприятие книжной древности Блоком имело ярко выраженную лирическую окрашенность и мотивацию. Его поэтический дух всегда готов был отлететь от страниц научной книги в мир фантазий, грез, чаяний, собственных образов. Он штудировал философию древних, “вложив безумство вдохновений в холодный разум мудреца” (I, 458)⁴.

Достаточно определенно мы можем говорить как о характере занятий Блока философией, так и об основных источниках, с которыми он в то время знакомился. Так, в письме к отцу от 26 сентября 1900 г. он, в частности, сообщал: “... кроме специально университетских юридических наук я занимаюсь теперь историей философии вообще (которую слушаю у Введенского⁵ 3 часа в неделю) и специально Платоном по Льюису и переводу подлинника

Вл.С. и Мих.С.Соловьевых...”⁶. Через несколько месяцев, 1 декабря 1900 г., он писал ему же: “Философские занятия, по преимуществу Платон, подвигаются не очень быстро. Все еще я читаю и перечитываю первый том его творений в соловьевском переводе — Сократические диалоги, причем прихожу часто в скверное настроение, потому что все это (и многое другое, касающееся самой жизни во всех ее проявлениях) представляется очень туманным и неясным. Иногда совершенно наоборот (реже, конечно), и это главным образом после известного периода целесообразных занятий, когда все приходит в некоторую логическую систему” (VIII, 13 — 14).

Имеются в виду книга Д.Г.Льюиса “История философии от начала ее в Греции до настоящих времен: Древняя история философии” (Спб., 1865)⁷ и книга “Платон. Творения” (Т. I. М., 1899; перев. с греч. Вл.Соловьева)⁸. Оба эти тома из блоковской библиотеки ценны тем, что в них имеются многочисленные пометы Блока — свидетельство его вдумчивой, кропотливой работы. Большая часть из них сделана, вероятно, из сугубо практических соображений: выделить, как-то отметить наиболее важные сведения, идеи, относящиеся к тому или иному мыслителю, к той или иной философской школе, системе и т.д. Существенные, содержательные, с точки зрения Блока, фрагменты чаще всего подчеркнуты им карандашом. В некоторых случаях он отмечает выделенные строки знаками на полях (как правило, это знаки “плюс” и “NB”)⁹. Совершенно очевидно при этом, что целый ряд блоковских маргиналий имеет особую степень значимости, являясь непосредственным откликом поэта на ту или иную поразившую или взволновавшую его мысль. На них следует обратить особое внимание.

2

Свое изложение истории древней философии Льюис начинает с представителей Милетской школы. В главе, посвященной Фалесу, Блок выделил следующие строки: “*Фалес считал все сущее живущим, а мир полагал исполненным демонов или богов...*” (с.5; здесь и далее курсивом отмечены строки, подчеркнутые Блоком). Нельзя, конечно, сказать, что политеизм и пантеистические настроения юного Блока были непосредственно навеяны философскими воззрениями Фалеса, но, во всяком случае, воззрения эти, пленив сознание и воображение поэта, помогали ему постичь природу, истоки своих собственных переживаний. “Мистическим летом” 1901 г. Блок писал А.В.Гиппиусу, передавая присущее ему в то время мироощущение: “Ужасно все мне кажется “наполненным

богами” (как у Фалеса)” (VIII, 22). О том же он сообщал в письме к отцу от 16 октября 1901 г., процитировав здесь же строчки Вл.Соловьева, в которых улавливал, видимо, сходную мысль: “и под личиной вещества бесстрастной везде огонь божественный горит” (VIII, 26)¹⁰.

Там, где Льюис говорит об Анаксимандре, которого называли “первым метафизиком”, Блок отметил центральную в его учении мысль о единстве мира: “начало всех вещей” — “безграничное все” (с. 12); “Первичное бытие, по мнению Анаксимандра, есть бесспорно единое. Оно единица и между тем всё” (с. 13; весь этот фрагмент подчеркнут также на полях). Идея изначального единства мироздания была чрезвычайно близка Блоку. “Всё бытие и сущее согласно...” — так поэтически сформулировал он ее в одном из стихотворений, написанных летом 1901 г. Эта философская мысль могла принимать разные оттенки, но она, так или иначе, связывалась в сознании Блока с кардинальной проблемой смысла мирового и индивидуального бытия. Вполне закономерно поэтому, что Блок неизменно отмечал в книге Льюиса те строки, где чувствовался хотя бы намек на идею единства мироздания¹¹.

Вызывает некоторое удивление тот факт, что почти отсутствуют блоковские пометы в главе, посвященной Пифагору. Возможно, Блок знакомился с его учением по каким-то другим источникам. Не исключено также, что его не вполне удовлетворяла трактовка Льюисом идей, восходящих к Пифагору. Так, например, ученый предпослал этой главе следующее примечание: “Вся эта глава должна быть просмотрена теми, которые верят в символизм цифр” (с. 28). По мнению Льюиса, “истинный смысл Пифагорова учения прямо противоположен символическому. Символы суть произвольные знаки, несколько не похожие на представляемые ими вещи...” (с. 29). Вряд ли Блок, иначе понимавший сущность символов, согласился с подобным утверждением. Он верил в символику цифр, “число” было для него значимым, смыслодержущим и смыслообразующим элементом мира. Ему была близка приписываемая Пифагору мысль о том, что “мир устраивается посредством числовых отношений...” (с. 32)¹². Льюис подтверждал это положение выдержками из I-й книги “Метафизики” Аристотеля, где излагались основы пифагоровых теорий: “Таким образом, известное сочетание чисел составляет справедливость, другое сочетание чисел есть разум и понимание, еще другое — случай и т.д.” (с. 34); “... десять казалось им <пифагорейцам — В.Б.> совершенным числом, заключающим в себе все числа...” (с. 34); “Элементы... чисел суть чет и нечет. Нечет — конечен, чет — бесконечен” (с. 34) и др. Там же приводятся десять “начал”, или координат пифагорейцев,

среди которых можно выделить “конечное и бесконечное”, “нечет и чет”, “единое и многое”, “свет и тьма”, “добро и зло” (с. 34 — 35).

Как отметил современный исследователь, с числовой философией связаны, во-первых, вера в то, что “все в мире устроено в согласии с числовым принципом”, а во-вторых, обнаружение в природе “конкретных числовых закономерностей”¹³. И то, и другое было, судя по всему, характерно для Блока.

Одним из проявлений блоковской метафизики было то, что он на своем языке называл “числением”. Понятие это не однозначное. В самом общем виде, “числить”, согласно Блоку, — значит активно созерцать, мыслить, постигать внутренним взором глубинные сущности мира и бытия, погружаться в особое мистическое состояние¹⁴.

Но нередко Блок вкладывал в это понятие и сугубо числовую конкретику (уже непосредственно в духе пифагорейцев), когда размышлял именно над сочетаниями цифр. Для юного Блока все вокруг было не только “полно богов”, но и полно каких-то знаков, намеков, символов. Он ожидал свершения неких событий вселенского масштаба и в то же время томился неотступной думой о перипетиях своей страстной “неземной” любви к Л.Д. Менделеевой. Настроение напряженного ожидания исхода “мистического романа” — одно из главнейших в период “*Ante Lucem*” и “Стихов о Прекрасной Даме”. Об этом он откровенно писал А.В. Гippiусу в августе 1901 г.: “Большой для меня вопрос личный, когда наконец осуществятся мои ожидания и верования” (VIII, 22). Сокровенные числа, казалось Блоку, могли, наряду с другими приметами, помочь в разгадке сроков и тайн долгожданных свершений.

В мае 1900 г., перед отъездом из Петербурга в Шахматово, Блок с тоской и тревогой думал о том, что на этот раз ожидает его там, где неминуем “новый натиск бурь и бед” (I, 344). Стихотворение “Пусть я покину этот град...” (16 мая 1900) отразило гамму суеверных гаданий поэта, в которых “числа” играли не последнюю роль:

Иль в муке и тревоге тайной
И в сочетаньях строгих числ
Таился тот — необычайный,
Тот радостный, великий смысл? (I, 344).

Это походило на своеобразную ворожбу с цифрами в руках... “Числа” помогали постичь непостижимое. Они по природе своей тяготели к определенности, порядку, гармонии, космосу (в противоположность хаосу)¹⁵.

Наиболее отчетливо мистическое “числение” воплотилось в необычном стихотворении “Пять изгибов сокровенных...” (10 марта 1901). Об истории создания стихотворения Блок позднее

писал: “В таком (мистическом, “особом”) состоянии я встретил Любовь Дмитриевну на Васильевском острове (куда я ходил покупать таксу, названную скоро Краббом). Она вышла из саней на Андреевской площади и шла на курсы по 6-й линии, Среднему проспекту — до 10-й линии, я же, не замеченный Ею, следовал позади... Отсюда появились “пять изгибов” <...>. Тогда же мне хотелось ЗАПЕЧАТАТЬ мою тайну, вследствие чего я написал зашифрованное стихотворение, где пять изгибов линий означали те улицы, по которым она проходила, когда я следил за ней, не замеченный ею (Васильевский остров, 7-я линия — Средний проспект — 8 — 9-я линии — Средний проспект — 10-я линия)” (VII, 343, 348).

Один из исследователей высказал вполне обоснованную догадку о ключевом смысле этого “зашифрованного стихотворения”, в котором “повторяются как заклинание числа пять, семь и восемь”: “Влюбленный Блок, тайно преследуя девушку, считал (мистически числил) каждый уличный поворот ее пути. Поворотов (“изгибов”) оказалось пять. Это число Блок истолковал в значении, которое оно имело у Пифагора и его учеников — цифровой символ бракосочетания”¹⁶. Имеют, вероятно, какое-то значение и другие фигурирующие в стихотворении числа, а также их сочетания (например, суммы пар цифр — шесть и девять, десять и девять, восемь и девять — дают нечетное число, что, согласно пифагорейской мудрости, — символ конечности, завершения, итога...). Цифровая последовательность могла отражать в сознании Блока борьбу и надежду, удачу и неудачу, препятствия и преодоления их и т.д. В целом текст все-таки не перестает быть загадочным, но ведь он не случайно создавался автором как зашифрованный, предельно эзотерический, сокровенно-личностный...

Числовые выкладки получали в воображении Блока магическую силу, подчиняя порой даже свободный, стихийный дух поэта. Они были связаны с рациональным, догматическим способом постижения мира и собственной судьбы; “числение” служило одним из средств укрепления “блуждающего ума”.

Однако дух поэта, стремящегося к идеальным сущностям, к “горним” высотам, то и дело порывался за пределы “числового” мышления и постижения мира и судьбы. В ноябре 1900 г., в разгар интенсивных занятий древней философией, Блок пишет стихотворение “В те целомудренные годы...” (оно вошло в раздел “Ante Lucem”), где “свобода” явно противопоставлена фатализму “строгих числ”:

В те целомудренные годы
Я понял тайный жизни смысл,

Поклонник твой, дитя свободы,
Как ты, далекий строгих числ.

Иль эти годы миновали,
Что я, свободу разлюбя,
Смотрю в грядущие печали
И число, число без тебя?

Что ж! Пусть прошедшему забвенье —
Не в настоящем жизни смысл!
Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятых числ! (I, 66).

Когда всем существом Блока овладели мечты о желанной встрече с воплощенной Женственной тенью, он признал ее высшую власть над всем миром, и “строгие числа” оказывались бессильными и ненужными; они говорили о вечной обусловленности, замкнутости, предопределенности бытия, ввергая человека в “вечный плен”. “Строгие числа” ничего не могли сказать о Ней; Она, Душа Мира, — выше “мистической арифметики”. Эта мысль отчетливо звучит в стихотворении “Я и мир — снега, ручьи...” (10 мая 1902):

Возлюбить, возненавидеть
Мирозданья скрытый смысл,
Чет и нечет мертвых числ, —
И вверх — Тебя увидеть! (I, 193)¹⁷.

“Холодные числа” не вписываются в иерархию высших ценностей, служа опорой уму в земной повседневности...

В стихотворении “Царица смотрела заставки...” (1902) образы Царицы и Царевны строго противопоставлены друг другу как приобщенные к совершенно разным сферам бытия и познания: одна — к миру змеиной, “исчисленной” мудрости, “глубинности древней”, другая — к Вечноженственному началу, “непостижному уму”:

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа (I, 249).

Превосходство кроткой Царевны над многомудрой Царицей — для поэта вне сомнения:

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью

Несомненно, что в учении Пифагора Блок воспринял его идеи единства мира и “метемпсихоза”. Они так излагались в популярном очерке о древнегреческой философии в одной из учебных книг: “Исходную точку Пифагорова учения составляет идея центрального единства <...> Центральный огонь составляет средоточие вселенной: <...> он есть существо, освещающее и одушевляющее весь мир; из него происходят души людей и животных. Тело умирает, душа, будучи бессмертной, переходит после смерти в другое тело...”¹⁸ Об идее “переселения душ” речь пойдет ниже... Здесь отметим, что пифагорова идея происхождения людских душ из некоего мирового огня могла стать одним из источников мифопоэтического образа в стихотворении “Отзвучала гармония дня...” (19 марта (?) 1901):

Ты, душа, порождение огня,
В наступающем мраке воскресни (I, 470).

Нельзя не упомянуть в связи с Пифагором об общине, образованной им и названной его именем. Пифагорейцы привлекали внимание Блока своим особым отношением к миру, внутренним укладом жизни, традициями “братства”, но главное — стремлением воплотить высокие духовные идеалы и ценности. В частности, он не раз подчеркивал ту особенность, что в пифагорейской общине все считали друг друга “равными блаженным богам”¹⁹. Подобная степень самосознания достигалась посредством упорного движения к нравственному совершенству. В стихотворении “Через песчаные пустыни...” (20 — 21 мая 1901) Блок в иносказательной форме выразил устремленность лирического героя к высокому идеалу, к “святыне”, и не случайно, видимо, в финале возникает образ некоего “белого храма”, где герой в воображении видит себя “в ряду с богами и сопричисленным богам” (I, 472). При этом если герою, чтобы достичь желанного совершенства, нужно преодолеть пустыни и тернии, то героиня “Стихов о Прекрасной Даме” изначально, благодаря своей идеальной природе, “сопричислена богам”: “Иль ты, сливаясь со звездой, / Сама богиня — и с богами / Гордишься равной красотой...” (“Какому богу служишь ты?..”, 1901; I, 101).

В натурфилософии Гераклита Эфесского Блок могли привлечь, прежде всего, диалектические идеи вечной изменчивости, превращения одних форм бытия в другие, исконной борьбы противоположностей²⁰. Льюис так излагал суть его учения: “Гераклит объяснял явления жизни столкновением противоположных стремлений и усилий вечного, движущего огня, которые дают в результате прекраснейшую гармонию. Все состоит из противопо-

ложностей, так что добро есть в то же время зло, жизнь — смерть и т.д. Гармония мира складывается из борьбы сталкивающихся направлений, подобно столкновению лиры и смычка. Борьба противоположных стремлений есть праматерь всех вещей <...>. Жизнь есть изменение, а изменение — борьба” (с. 71).

Сохранилось мало конкретных свидетельств об отношении Блока к Сократу, учителю Платона. Между тем, блоковские пометы в книге Льюиса позволяют предположить, что на молодого Блока оказала определенное влияние сама незаурядная личность Сократа, которого отличало мужественное отношение к миру и к смерти. Сократ, отмечал Льюис, “дал новый толчок человеческому уму и завещал человечеству великий пример героической жизни, посвященной истине и увенчанной мученичеством <...>. Он проторил новую стезю, доискиваясь решения вопроса о сущности мира, он стремился... найти свет, озаряющий его путь по миру” (с. 128 — 129, 130). Льюис охарактеризовал Сократа как “человека храбрейшего, самого искреннего, самого простого и самого мудрого, который когда-либо жил между людьми” (с. 167; фрагмент отчеркнут на полях). Особо выделил Блок те строки, где говорится о поведении Сократа перед лицом смерти, на которую он был осужден своими согражданами: “Никто спокойнее не смотрел в глаза смерти; никто не приветствовал ее с большею верою в то, что она есть перерождение в высшую степень бытия” (с. 145)²¹. И дело здесь не только в ярком примере личного бесстрашия философа, но и в факте восприятия им смерти как приобщения к высшим “мирам иным”. У молодого Блока (да и у зрелого тоже) отношение к смерти было именно таким — трагичным, исключаяющим мысль об абсолютном конце²².

Вероятно, немаловажное значение имели для Блока сократовские идеи о самопознании. Он выделил те фрагменты, где Льюис затрагивает эту сторону учения Сократа: “Цель и задача Сократа состояла в сознательном отвлечении ума от созерцания явлений природы и в обращении его внимания на происходящие в нем самом явления: истину нужно искать внутри себя, а не во внешних предметах” (с. 152). Мысль о познании духовных глубин через познание самого себя, своей души была далеко не чужда Блоку. Но тут важна и другая, скрытая в подтексте, мысль: о равноценности мира человеческой личности (“я”) и объективной реальности, окружающей действительности. Она также была близка Блоку. Очевидное свидетельство тому — стихотворение “Все бытие и сущее согласнo...” (1901):

Мне все равно — вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.

Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь (I, 88).

Излагая далее сократовские идеи, Льюис писал: “Каждый человек должен добывать истину для себя посредством упорной борьбы с самим собою <...> Его философия была осуществлением дельфийской надписи: “*Познай самого себя*”(с. 157; отмечено на полях знаком “NB”). Философия давала возможность проникнуть в область умопостигаемых истин, и борьба с самим собой, самоуглубленность и самопознание могли сулить важные открытия, не приближая, правда, при этом к постижению Вечноженственной субстанции вселенной. Вероятно, такой смысл, наряду с другими возможными, содержится в стихотворении “Была и страсть, но ум холодный...” (9 декабря 1900)²³:

О, я стремлюсь к борьбе с собою,
К бесплодной, может быть, борьбе...
Когда-то полная тобою
Душа тоскует — о тебе! (I, 461).

Отметим попутно, что в главе о Сократе Блок пристальное внимание уделил той мысли, которую Льюис высказал, размышляя о судьбе и наследии провидца, духовного учителя, каким был Сократ: “*Современники не в состоянии понять великого человека. Он может быть понят только равными себе, а равных ему весьма немного. Слава великого человека растет в потопстве, потому что является много других великих людей, способных ценить его*” (с. 140; фрагмент отмечен также на полях знаком “NB”). Мог ли Блок тогда, в юности, воспринимать эту мысль не как общее, отвлеченное соображение, а и лично, применительно к самому себе, пусть втайне? Не исключено, что мог... Во-первых, он рано познал и взлелеял в себе романтическое ощущение избранности, отмеченности, высокого предназначения; ведь уже в то время он считал себя носителем некоего сверхзнания, сокровенной Тайны²⁴. Во-вторых, в раннем творчестве Блока очень часты мотивы отъединенности, отчуждения от “толпы”, которая не способна в настоящем постичь его откровений и чаяний²⁵.

3

Не будет, видимо, преувеличением сказать, что вторая половина 1900 г. и начало 1901 г. во многом прошли для автора “Стихов о Прекрасной Даме” под знаком Платона. Это было, пожалуй, время его наибольшего интереса к личности и творениям великого философа-идеалиста, который как бы подготовил душу и

сознание Блока к встрече с мистической поэзией Вл.Соловьева. С именем и идеями Платона связано большинство ранних произведений Блока, навеянных в той или иной степени древней философией.

Как явствует из цитированного выше письма к отцу от 1 декабря 1900 г., Блок в своих занятиях греческой философией основное внимание уделял учению Платона. Причем это было не просто усвоение, а глубинное постижение, переживание мира платоновых идей, “вживание” в него и творческое переосмысление в поэтических образах.

А.Н.Блок (родственница поэта по линии Александра Львовича) в письме к отцу Блока от 18 октября 1900 г. сообщала: “Это время он < Блок — В.Б. > увлекается Платоном, всем зачитывается, стихи сочиняет (он нам декламировал свое), видимо, навеянные им же”²⁶. Сам Блок в позднейшей дневниковой записи от 30 (17) августа 1918 г., вспоминая об основных событиях осени 1900 г., между прочим, отметил: “Тут я хвастаюсь у Качаловых своим Платоном” (VII, 343).

О каких стихах, созданных под воздействием Платона, могла тогда идти речь? Безусловно, прежде всего это “Αυραφα Δογματα” (“Я видел мрак дневной и свет ночной...”, 22 августа 1900; вошло в состав цикла “Ante Lucem”) и “Вложив безумство вдохновений...” (14 сентября 1900). Смысл обоих текстов не может быть понят более или менее адекватно без обращения к тем древнеклассическим реалиям, которые отразились в стихотворениях и которые непосредственно связаны с Платоном. В своих примечаниях ко второму изданию “Стихов о Прекрасной Даме” (1911) Блок, касаясь названия первого стихотворения, пояснял: “Αυραφα Δογματα” — “неписанные догматы” — выражение Аристотеля о Платоне; некоторые разумеют под ним сокровенное учение Платона”²⁷. Происхождение и значение термина Льюис в своей книге (откуда Блок, скорее всего, и почерпнул эти сведения) выводит из следующего фрагмента диалога Платона “Федр”: “Письмо походит на живопись; создания этой последней очень похожи на живые существа; но когда вы задаете им вопрос, они хранят торжественное молчание. То же самое и писанные речи: читая их, воображаешь, что в них есть какой-нибудь смысл; но если захочешь поучиться и станешь вопрошать, то на все вопросы они могут дать только свой первый ответ <...> Есть другой род речи, гораздо лучший, гораздо более действительный... Тот, который написан научным образом в уме учащего. Эта речь способна защищать себя, говорить за себя или молчать, как найдет удобней” (с. 198). В связи с платоновыми словами о несовершенстве письменных произведений, считал Льюис, “находится один

отрывок у Аристотеля, где Аристотель говорит об *αγραφα δόγματα*, или “неписанных мнениях”, отрывок, намекающий, по мнению некоторых, на существование эзотерического учения” (с. 200). Далее Льюис подчеркивал, что “неписанные догматы” означали, скорее всего, лекции Платона или записи, составлявшиеся его учениками на этих лекциях²⁸, что “нет никакого основания считать их эзотерическими догматами” (с. 201). Из контекста блоковского стихотворения явствует, что поэту была близка и желанна догадка (или предположение) об эзотерической подоплеке платоновых “неписанных мнений”. Именно в этом значении и нужно понимать заглавие стихотворения. Не исключено, что Блок вкладывал в это понятие ту сокровенную, потаенную, неявную для других сущность учения Платона, которая помогла ему открыть, познать идеальные “миры иные”, постичь природу своих смутных мистических переживаний, развеять “ужас вечного сомненья” (I, 56). Воспринятые у Платона идеи стали как бы его собственными “неписанными догматами”. Финал стихотворения звучит как апология Платона:

Из мрака вышел разум мудреца,
И в горной высоте — без страха и усилья —
Мерцающих идей ему взыграли крылья (I, 56).

Стихотворение это, как многие из ранних у Блока, загадочно, с трудом поддается толкованию. Но заложенная в нем мысль о том, что учение Платона явилось для мира (и для самого поэта) откровением, чем-то эпохальным по своему значению, не подлежит сомнению. С точки зрения молодого Блока, картина мира до Платона (какой, в частности, она рисовалась другим философам) — это “холодный мрак”, не озаренный светом вечной истины и божественной мудрости. Такая картина мироздания, объясняющая многие явления жизни, мало говорила душе о смысле всего сущего. Можно было укрепить “блуждающий ум”, но нельзя было развеять тоску, вызванную опущением зыбкости, непрочности, неверности, случайности бытия. Платон же давал возможность всем чутким и томимым “духовной жадой” обрести вечные, нетленные ценности...

Мало сказать, что Блок пережил увлечение Платоном. Нет, это было одно из тех соприкосновений в глубинах духа, которое посеяло в Блоке незыблемую, пропесенную сквозь годы утрат и сомнений убежденность в том, что он еще в юности приобщился к некоей мировой Истине, “великое познал”. Платон стоял у истоков блоковского мистицизма, блоковского ощущения Души Мира, блоковской веры в “миры иные”. В коротком стихотворении, послу-

жившем одним из эпиграфов к “Поэме философской”(1900), Блок, безусловно подразумевая Платона, писал:

Мне сердце светом озарил
Ты, мой задумчивый учитель²⁹,
Ты темный разум просветил,
Эллады мощный вдохновитель³⁰ (I, 461).

Момент приобщения к заветным идеям Платона получает своеобразное поэтическое выражение в стихотворении “Вложив безумство вдохновений...”. Лирический герой его “видит” себя в далеком прошлом бесстрашным мудрецом, глубоко познавшим таинства миров:

Вложив безумство вдохновений
В холодный разум мудреца,
Я шел в толпе, бесстрашный гений,
Миры познавший до конца (I, 458).

Черты Платона распознаются в этом образе почти однозначно. Таким он представлялся Блоку: вдохновенным и наделенным мощным и бесстрастным умом философа, жреца Истины³¹.

Упомянутые во второй строфе стихотворения оливковые сады и рощи с “влажными плодами” — очевидный намек на публичный сад в окрестностях Афин, где Платон основал свою школу. У Льюиса отмечено: “Мысли потомства часто обращались к этому месту и делали его средоточием бесчисленных сочетаний. Его воспевали поэты, об нем мечтали философы: “Смотри: вот роща из олив, уединение Платона”...” (с. 191).

Теперь, в настоящем, герой припоминает то время “иного бытия”, когда разум его был ясен и всесilen:

И вновь рожденный смертным — ныне
Я смутно помню блеск венца
В моей тюрьме, в моей пустыне,
В моем бессильи — до конца (I, 459).

Образы-метафоры “тюрьмы”, “пустыни” являются здесь синонимами земной жизни, где бренное тело сковывает вещей дух. Льюис прямо использует именно эту метафору, излагая суть мироощущения Платона: “Он созерцал жизнь с точки зрения бессмертной души, жаждущей высвободиться из своей земной темницы и стремящейся предвосхитить слабый проблеск сияния той вечной истины, которая будет некогда составлять ее постоянную обитель. Платон знал, что мимолетные явления сего света пройдут и исчезнут, но он был слишком умен, чтобы оставлять их без внимания. Как бы ни были они мимолетны и несовершенны, во всяком случае

они служили указаниями вечной истины, к которой он стремился...” (с. 211). И еще: “Он сказал, что душа была и есть бессмертная. В состояниях, предшествовавших настоящему <т.е. земному --- В.Б.> бытию, она имела ясные понятия о вечной истине. Она видела лицом к лицу бытие. Сойдя на землю, поселившись в теле и подвергшись всем неудобствам этой темницы тела, она не стоит более лицом к лицу с бытием...” (с. 223). Миф о подлинном бытии в надмирных, божественных, сферах, которое противостоит земному существованию, стал одним из тех ярких откровений, которые породило Блоку приобщение к творениям Платона.

В сознании Платона так рисовалась эта “область над небом”, названная им в диалоге “Федр” “жилищем богов”, “полем истины” (фрагмент приводится в книге Льюиса): “Эта область есть место-пребывание самого бытия, настоящего бытия, без цвета, без образа, бытия неосязаемого, видимого только уму, возникшему души, и составляющего предмет настоящего знания” (с. 219). В поэтическом воображении Блока эта область истинного бытия могла быть одним из страстно чаемых им других миров, куда безотчетно стремилась его душа.

Согласно Платону, к обители богов душа (если она не обременена грехами) может вознестись на неких крыльях. Льюис цитирует отрывок из диалога “Федр”, где Сократ говорит: “Если душа совершенна и окрылена, то она парит в вышине и полагает управлять вселенною <...> В природе крыльев лежит поднимать тяжелые тела вверх, к обители богов. Крылья более всех членов тела причастны божеству. Божественное вмещает в себя прекрасное, мудрое, доброе и все тому подобное. Этим-то и питаются и растут крылья души, разрушаются же они от предметов, противоположных названному” (с. 218). Образ крыльев, возносящих душу в высь, к небу, нередко встречается в ранней лирике Блока. И влияние образных идей Платона здесь более чем вероятно. Пожалуй, наиболее ощутимо это влияние платоновых размышлений об “окрыленной душе” сказалось в стихотворении “Новый блеск излило небо...” (25 июля 1900):

Вознесясь стезею бледной
В золотое без конца³²,
Стану, сын покорно-бедный,
В осиянности творца.

Вознесусь душой нетленной
На неведомых крылах.
Сердцем чистые блаженны ---
Узрят бога в небесах³³ (1,456).

Идея “двоемирия” овладела сознанием Блока настолько, что стала одной из ключевых в его поэтическом творчестве. В стихах 1900 — 1902 гг. противопоставление сфер “здесь” (земная действительность) и “там” (запредельный мир идеальных сущностей, вечной красоты, гармонии, света) является вполне установившимся. Необходимо подчеркнуть при этом, что понятие символизированных “миров иных” было для Блока многозначно и вмещало в себя элементы самых разных представлений о “горних”, потусторонних сферах (влияние сходных мотивов лирики поэтов-романтиков, прежде всего Жуковского³⁴, мифопоэтические представления разных народов, религиозные верования, учения о космосе и т.д.). В связи с этим необходимо принять во внимание также и воздействие на молодого Блока платоновых идей и образов. И здесь существенна не только конкретизация в сознании довольно отвлеченных, интуитивно постигаемых субстанций, но и личностное отношение к ним; переживание своей таинственной связанности с ними. Одно дело сказать: “Есть миры иные” (императив веры), другое — улавливать, искать их приметы в окружающем, ощущать их отсветы в своем сознании, в своей душе. И тут заветы Платона были для молодого Блока бесценны. Уже тогда они приучали его душу “к вздрагиваньям медленного хлада”, “чтоб было *здесь* ей ничего не надо, когда *оттуда* ринутся лучи”. Блок особо выделил в книге Льюиса то место, где автор излагал “*единственный, постоянный догмат*” Платона: “Открывайте неизменное, необходимое среди меняющегося, случайного, открывайте единое во многом, тогда вы проникните в самую тайну бытия” (с. 212). Естественное следование этому завету было одним из истоков блоковской символизации мира. Более того: подобный тип мироощущения способствовал зарождению и укреплению культа Вечно-Женственного начала, “Девы, Зари, Купины” как вселенской субстанции, придающей единство всему сущему — многоликому, раздробленному и случайному. Вполне закономерно, что Блок отметил в книге Льюиса то место, где речь идет о принципиальных особенностях восприятия Платоном идеальных сущностей: “*Объективное направление состоит в наклонности превращать наши понятия в представления*, давать внешнее существование нашим идеям и смотреть потом на них как на образы, или на существа” (с. 215). Это одна из центральных посылок учения Платона. В сущности, в ней содержится зерно того “практического мистицизма”, который проповедовал и пытался воплотить Вл. Соловьев. Блок, как известно, стал его преемником и последователем. Действительно, Блок прошел эти стадии: сначала было мистическое предчувствие, потом идея о едином начале (Бог, Душа Мира, Вечно-Женственное) и, наконец, представление и

образ (Прекрасная Дама, Российская Венера, Подруга Светлая, “темного хаоса светлая дочь” и т.д.). Очевидно поэтому, что воздействие идей Платона касалось каких-то глубинных основ мировоззрения Блока, его духовной и творческой жизни...

Следует подчеркнуть, что серьезное влияние на молодого Блока оказали соловьевские представления о личности и философских взглядах Платона. Это знаменательный факт: Блок узнал Вл.Соловьева прежде как интерпретатора и популяризатора платоновой философии, а затем уже близко познакомился с его лирикой, оставившей в его душе неизгладимый след; идеи Платона, в оригинальном толковании их Вл.Соловьевым, стали как бы первым откровением, предварившим второе — соловьевские стихи о “вечно-женственном”, о нетленной красоте высшего Духа, о мирах истинных и ложных.

В очерке Вл.Соловьева, которым открывается книга “Творения Платона”, Блок отметил (отчеркиванием на полях) то место, где говорится о двух мирозерцаниях Платона. Первое Вл.Соловьев обозначил как “идеализм отрешенный и пессимистический”, основывающийся на том, что *“мир весь во зле лежит”*: “Для нормального человека, то есть мудрого и справедливого, сама жизнь есть зло, а смерть — благо; истинный философ должен внутренне умереть для этого мира прежде физической смерти: он должен отказаться от всяких практических интересов и замкнуться в себе, отнюдь не касаясь дел общественных... <...> Такому безусловному дуализму между правдой и действительной жизнью соответствует здесь такое же окончательное раздвоение между духом и телом, разумным мышлением и чувственным восприятием, между истинно-сущим и явлением: тело, чувственность, явление суть нечто вполне дурное, недостойное, недолжное; тело есть гроб и темница духа, чувственность — обман, явление — призрак”³⁵.

Второй тип мирозерцания (во многом как способ преодоления первого), названный Вл.Соловьевым “идеализмом положительным и оптимистическим”, основывается на посылке, что *“мир весь в добре лежит”*: “он есть произведение верховной благодати, второй бог, образ первого; все телесные и чувственные предметы образованы высшими духовными (“умными”) силами, запечатлевшими в них идеальные нормы бытия...” (Творения Платона, с. 18 — 19).

Возникновение подобного дуалистического мировоззрения Платона Вл.Соловьев объяснял так: “Смертный приговор Сократу за его решимость держаться одного чистого добра и правды обнаруживал в человеческой природе и жизни такую глубину зла, какую нельзя было объяснить одним незнанием и нелогичностью <...> Характерный для него <Платона — В.Б.> теоретический

дуализм между истинно-сущим и призрачно-бывающим или являющимся есть прежде всего ответ философского ума на нравственный вопрос, поставленный фактом закономерного убийства праведника за простое исповедание им правды. Спрашивается: как это возможно? И вот ответ: это возможно и естественно потому, что *тот мир, в котором это бывает, не есть настоящий... <...> понятно, что в неистинном происходит недолжное*” (Творения Платона, с. 21 — 22, курсив Вл.Соловьева). Такова одна из главных посылок, лежащих в основе неприятия человеком окружающего мира. Блоку, безусловно, было свойственно романтическое отрицание действительности; при этом реакция его души и разума на нелепости и уродства жизни была сходна во многом с платоновым идеализмом, как его толковал Вл.Соловьев. Абсурдное и нелепое является доказательством неистинности земного бытия, которому противостоит высшее, подлинное бытие; приметы идеального начала вселенной есть и в этом мире.

В диалоге “Фэдон”, писал Вл.Соловьев, “мы находим уже вполне определившуюся философию двух миров: настоящее отечество для мудреца не этот ложный мир явлений, а тот идеальный космос истинно-сущих и умопостигаемых благ, к которому философская душа принадлежала до рождения и будет всецело принадлежать по смерти <...> Реальному миру приписывалось здесь только кажущееся, а не настоящее бытие: это есть нечто непрерывно рождающееся и погибающее (т.е. возникающее и исчезающее), по существу же никогда не сущее... <...> Этот мир в основе своей есть прямо небытие... Так и называет его Платон — и неизбежно должен называть, ибо то, что только *кажется* как бы *сущим*, очевидно, тем самым *есть не сущее*” (Творения Платона, с. 23, 24; курсив Вл.Соловьева).

Философская подоплека блоковского мистицизма, романтического идеализма периода “Стихов о Прекрасной Даме” — это именно представление о кажимости, призрачности мира явлений, феноменов, за которым скрывается (“сквозит”, “мерцает”) ноуменальный мир истинно-сущего. И тут влияние Платона следует признать одним из определяющих, решающих. Вера в существование подлинного бытия примиряла поэта с реальностью, преходящие, изменчивые лики которой не угнетали его взыскательный дух своею хаотичностью и бессмысленностью, поскольку получали “вторичное”, относительное значение перед лицом вечной Истины, нетленных ценностей.

Когда сознанию Блока открылось, что существует некая метафизическая “глубина”, то поверхностные, обыденные явления окружающей действительности все более превращались в своеобразную “ширму”, сквозь которую как бы просвечивают иные, ноуменаль-

ные, сферы. Подобное мировосприятие отчетливо выразилось в стихотворении “Внемля зову жизни смутной...” (1901) :

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны — волны попутной
К лучезарной глубине (I, 106).

Вл.Соловьев обращал особое внимание на проблему соединения, совмещения двух миров: идеального, “незримого очами”, и видимого, чувственного³⁶. Очевидно, что эта же проблема совмещения (хотя бы в собственном сознании) земной жизни и “иного” мира неизбежно должна была встать перед Блоком. От решения ее во многом зависела вера в тот “практический мистицизм” (заметим, отличный от созерцательного, “сказочного”), к которому все более тяготел молодой Блок. Установить живую связь с надмирными сферами, соприкоснуться с ними душой и разумом — в этом и видел юный Блок свое предназначение как мистического поэта.

По мнению Вл.Соловьева, проявлением платонова дуализма было “безусловное противоположение души и тела” (Творения Платона, с. 23). В качестве соединяющей разные миры субстанции выступает у Платона Эрос, который, по словам Вл.Соловьева, “есть переход, посредство и связь между двумя мирами, он совмещает в себе идеальную природу с чувственной <...> Эрос не бог, но нечто божественное, посредине между вечной и смертной природой, могучий демон, связывающий небо и землю” (с. 26). Вл.Соловьев подчеркивал также, что Эрос (который есть, по сути, то же, что и пифагорейская “Душа Мира”), согласно воззрениям позднего Платона, “производит вещественные стихии и тела сообразно идеям, и мир истинно-сущего оказывается не противоположностью, а первообразом нашей действительности” (Творения Платона, с. 28).

О том, какое значение придавал этой проблематике молодой Блок, свидетельствует его “Поэма философская” (1900), состоящая из четырех частей (последняя часть написана чуть позднее, в феврале 1901 г.). Первая “посылка” имеет самый отвлеченный характер, выражая распространенное философское воззрение о единстве духа и плоти, сотворенных всеобъемлющим Богом:

Здесь, на земле, одиночны,
И дух, и плоть путем одним
Бегут, в стремлении нераздельны,
И Бог — одно начало им (I, 461).

Льюис в своей книге писал об одном из догматов философии Платона: "... Бог является единым существом, объемлющим в себе все другие существа, <...> причину всех вещей, небесных и земных. Бог есть верховная идея" (с. 231)³⁷.

Вторая и третья "посылки" заключают, с небольшими вариациями, мысль о природной власти духа и души над телом:

Вечен дух — и преходящим телом
Правит, сам подвластный божеству... (I, 462).

.....

Так-то объемлемый дух его же обнявшему телу
Властно законы дает, тело наполнив собой.
Тело же точно и вмиг души исполняет законы,
В жизненной связи с душой, вечно подвластно душе (I, 463).

Строки эти могли быть навеяны диалогом "Фэдон", который не вошел в первый том "Творений Платона", но который был наверняка известен Блоку: "... телу природа указывает повиновать и находиться под управлением, а душе начальствовать и повелевать"³⁸. Дм.Лебедев, подготовивший издание "Фэдона", так прокомментировал эти строки: "Почему? Ответ на это находим в "Тимее": "Душа есть ранее явившееся и высшее начало, а потому и господствующее; душа сотворена раньше, а тело позже; вследствие этого тело по естественному закону должно подчиняться душе"³⁹.

В "Последней части философской поэмы" возникают образы богини мудрости Афины Паллады и Эроса. Видимо, они также призваны были олицетворять идею соединения духа и плоти, идею Любви-Мудрости. И здесь значимым для Блока было платоновое понимание Эроса, которое Вл.Соловьев выразил в другом месте следующим образом: "Как смешанное произведение полноты вечно-сущего и материальной скудости, он < Эрос — В.Б. > есть начало деятельное и страдательное вместе, нуждающееся в совершенной форме и вместе с тем принимающее ее и сообщающее другому. Эрос — не бог, но нечто божественное, посредник между вечною и смертною природой..."⁴⁰. Главное призвание Эроса в мире заключается, по словам Вл.Соловьева, в том, чтобы побуждать к рождению, "но не в смертном "бывании", а в красоте и бессмертии" души добродетельные и истинно-философские⁴¹.

Любопытно позднейшее свидетельство Блока, что его поэтические раздумья о синтезе первородных начал, единстве бытия, животворящей силе духа помогали ему бороться как с хаосом душевным, так и внешним; это было как раз в то время, когда начиналась, как он писал, "борьба с адом": На помощь призывается: 1) всемогущая сила бога и 2) "умо-сердечное" — Афина и

Эрос (завершение мысли, возникшей в 1900 году, едва ли не предвестие той адской провокации с двойниками внутри, которая потом погубит), то есть соединение сил духовных с телесными” (VII, 347). С другой стороны, это несколько неожиданное признание Блока наводит на мысль о том, как идея “двоемирия” могла способствовать возникновению “двойственного” сознания личности, “двоящихся” мыслей; такое мирозерцание, в свою очередь, могло порождать “двойников внутри”. И тогда порой очень трудно было понять, какие части многосоставной души принадлежат сфере идеальных сущностей, а какие — миру земных страстей и забот, что относится к подлинному бытию, а что — к призрачному, суетному существованию... Более того, имеет ли человек какое-то значение в данном своем земном “бывании”, воплощении, или он есть лишь некоторое “вместилище”, средоточие духовных ценностей прошлого, о котором смутно помнит бессмертная летучая душа? Неразрешимость до конца этой дилеммы являлась, видимо, одной из глубинных причин блоковского скептицизма, который был присущ ему и в молодые годы⁴². Сохраняя веру в “миры иные” и подлинное бытие, нужно было примириться с бесконечностью повторений событий и явлений здесь на земле. “Одна и та же нить / Связует здесь и там...” — так сформулировал Блок эту мысль в стихотворении “Никто не умирал. Никто не кончил жить...” (1903; в рукописи озаглавлено “Метемпсихоз”). Идея “переселения душ”, восходящая к пифагорейцам и Платону, была, видимо, для Блока одним из тех дорогих мифов, которые “повествуют о тайном сочетании здешнего и нездешнего, земного и небесного...” (VII, 49)⁴³. Миф этот близко соприкасался с идеей “вечного возвращения”, повторения прежних жизней и судеб, идеей, в которой содержался не только утешительный смысл. Об этом, по сути, Блок намекал в финале стихотворения “Никто не умирал. Никто не кончил жить...”:

Внимательно следи. Разбей души тайник:
Быть может, там мелькнет твое же повторенье...
Признаешь ли его, скептический двойник? (I, 527).

И здесь важное значение приобретает учение Платона о “припоминании”, идея “анамнезиса”. Существенно, как оно изложено у Льюиса: “Такое понимание есть не более не менее как *припоминание того, что душа прежде уже видела во время своего пребывания с богами, когда она, пренебрегая тем, что мы называем существующим, воспринимала то, что действительно существует*” (с. 221). Это не историческая память, не почерпнутые из разных источников знания о прошедшей жизни людей и даже не интуиция,

помогающая воссоздать образы былых времен, воскресить дух старых культур. Это — именно сверхзнание об идеальных сущностях мира, мистическое постижение подлинного бытия. Поэтому вызывает сомнение такое, например, утверждение исследователя: “Для Блока в платоновском анамнезисе раскрыта возможность прорыва памяти человечества в личную память...”⁴⁴. Вероятно, подобная трактовка идеи “анамнезиса” ближе к пифагорейской традиции, но представления Платона, отразившиеся в диалоге “Федр”, имеют весьма существенные отличия от воззрений пифагорейцев. У Платона, прежде всего, идея “припоминания” тесно связана с идеей “двоемирия”. Исходя из этого, он выстраивал своеобразную “иерархию душ” в “Федре”: “По неизменному закону всякая душа, которая вступает в дружину богов и, путешествуя с ними, достигает лицезрения чего-либо истинного, избавляется от всякого зла...<...> Но если она неспособна подняться на надлежащую высоту, то ей не удается увидеть ничего; пороки и забвение тянут ее вниз; она теряет крылья, падает на землю...<...> души, видевшие больше других, входят в тела людей, которые полюбят истину или красоту или будут предаваться музыке или любви” (с. 220). Лишь тот, чья душа когда-то возносилась к сонмищу богов, мог “припоминать” мерцание сияющих истин, тайные откровения.

Поэтому вряд ли можно говорить о влиянии платоновой идеи анамнезиса на образную структуру, например, раннего стихотворения Блока “На небе зарево. Глухая ночь мертва...” (1900)⁴⁵. Да, пылкий ум может возродить “гул погибших городов / И бытия возвратное движенье” (I, 49), но это совсем другое “припоминание”: скорее, плод игры воображения...

Завершая разговор о воздействии на молодого Блока идей Платона, еще раз отметим: платоновский дуализм укреплял поэта в мысли, что земной мир есть своего рода “овеществленная фикция”, некая несовершенная “изнанка”, “тень” подлинных миров. Мир идеальных сущностей вечен, прекрасен, бrenная же реальность — разнотлика, уродлива и случайна в своих проявлениях, а следовательно, и бессмысленна. Но мир обретает смысл, проглядывающийся и пробивающийся “сквозь одержащее его бессмыслие” (Вл.Соловьев), если верить в невидимую силу, которая “сглаживает разрозненные черты вселенной в стройные образы” (Вл.Соловьев). Платон, а затем Вл.Соловьев помогли молодому Блоку уверовать в существование такой гармонизирующей силы, сочетающей земное и небесное. В процессе поисков Блоком безусловных мировых ценностей приобщение к идеям Платона было важной вехой...

В довольно обширном разделе книги Д.Г.Льюиса, посвященном Аристотелю, Блок отметил всего несколько маленьких фрагментов, главным образом те, в которых излагаются мысли, принятые философом у Платона: *“Чувства менее достоверны, нежели идеи”* (с. 261); *“Мы начинаем с чувственного знания, чтобы дойти до идеального. Таким образом, от мира опыта мы восходим к другому, высшему миру познания”* (с. 262; отрывок отчеркнут на полях). Также внимание Блока привлекли суждения, касающиеся позиции философов-скептиков в вопросе о возможностях идеального знания: *“Скептики утверждают — и притом основательно — что так как наше знание есть только знание феноменов, а не нуменов (т.е. что мы знаем вещи такими, какими они нам кажутся, а не какими они суть на самом деле), то все старания проникнуть в таинства бытия тщетны...”* (с. 274; фрагмент отмечен на полях знаками “плюс” и “NB”). Этот постулат мог вызвать интерес Блока в связи с раздумьями о природе собственного скептицизма, который время от времени (и в юности, и в зрелые годы) одолевал его⁴⁶. Поэт не сомневался в существовании и приоритете идеальной основы мира, но в нем порой могла угасать вера в способность познать, почувствовать, уловить неумеренные сферы бытия. Силы его мистических прозрений были не безграничны...

Безусловно, пристальное внимание Блока вызвали страницы книги, посвященные философии Плотина. Д.М.Магомедова, затрагивая вопрос об отражении идей Плотина в сознании Блока, в частности, писала: *“Говоря о Плотине, поэт обычно вспоминает его учение о “божественном экстазе”... и об открытых Плотинем путях “к самопоглощению в божестве”, путях “философии, музыки и любви”...Определить, насколько серьезно Блок знал Плотина, не представляется возможным: указанные моменты в учении Плотина можно найти в любом популярном его изложении. Возможно, Блок познакомился с философией Плотина по одному из таких изложений, в частности Вл.Соловьева, написавшего статью о Плотине для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона”*⁴⁷. Есть основания утверждать, что Блок достаточно серьезно знал Плотина и что одним из главных источников его познаний об этом мыслителе-неоплатонике послужила книга Льюиса...

Плотин, воскресивший учение Платона, естественно, многое воспринял от него. Блок тщательно зафиксировал эту философскую преемственность, отметив коренные идеи, связывавшие Плотина с его учителем: *“Плотин соглашался с Платоном, что может быть только одна наука универсалов.*

Каждая отдельная вещь есть только *скоропреходящее явление*, лишенное *действительного бытия* и поэтому не могущее служить предметом философии. Только одни универсалы, идеи, имеют *реальное бытие* <данная фраза отмечена на полях знаком “NB” — В.Б.>... Иными словами, *видимый мир есть только внешний вид идеального мира*, а идеальный мир, в свою очередь, есть только один из видов (тело) *божественного бытия*” (с. 321; фрагмент отчеркнут на полях и отмечен знаком “NB”); ... нам доступны проблески мира идеального посредством воспоминаний (с. 321).

Живой интерес у Блока вызвало учение Плотина о трех ипостасях (субстанциях) божества: “Первая есть *единство*; не одно существо и даже не бытие, а просто *единство*. Вторая есть *ум*, *то-жественный с бытием*. Третья есть *всемирная* <выше рукой Блока вписано — “вселенская”> *душа*, причина всякой деятельности и жизни” (с. 326); “Итак, три ипостаси божества суть: 1) *совершенное, безусловное единство*, 2) *первый ум*, 3) *душа мира* (с. 330 — 331). Очевидно, что и идея “всеединства”, и идея Мировой души, важнейшее в философии Платона и Плотина, были очень близки молодому Блоку. Он, к примеру, раздумывал о глубинной связи этих начал: субстанции “вездесущего единства” и Души мира, являющихся ипостасями божества. Поэтическим выражением этих блоковских размышлений стало стихотворение “Я понял смысл твоей печали...” (1901):

Я понял смысл твоей печали,
Когда моря из глубины
Светила ночи возвращали
В их неземные вышины.

Когда внезапным отраженьем
Небесных тел в земных морях
Я был повержен в изумленье, —
Я понял твой заветный страх.

Ты опечалена природой —
Общеньем моря и светил,
И, без надежды на свободу,
Устрашена согласьем сил” (I, 467).

“Согласье сил” здесь вполне можно воспринимать в качестве метафоры, обозначающей “всеединство” вселенной, которое, как порой казалось Блоку, страшит Ее, Душу мира. Какова природа этого “страха”? В чем тут дело? В позднейшей дневниковой записи от 11 сентября (29 августа) 1918 г. Блок так комментировал содержание стихотворения, отразившего одну из существенных сторон его мистических переживаний и умонастроений начала 1901 г. : “Тогда же смысл ее печали... ищется в природе: согласие сил (моря

и отраженных в нем звезд) страшит ее и лишает надежды на свободу. В этой мысли, как я узнал впоследствии, оказалось родство с мыслью о плененной Мировой Душе <...> которую лелеял последний — Вл.Соловьев (см. IX, 19 и многие другие места). Я этого всего еще не знал, но чуял Платона. При этом сам я был лишь изумлен... отражением небесных тел в земных морях, очевидно, как древний философ-художник (язычник)” (VII, 347). Блок имел в виду следующие строки из статьи Вл.Соловьева “Мировая душа”, написанной для энциклопедического словаря: “Многие философские учения, выводившие единство мира из вечной области бытия идеального или умопостигаемого, признавали, однако, и живущую во всех явлениях мировую душу, как подчиненное начало, воспринимающее и осуществляющее в чувственной области и во временном процессе высшее идеальное единство, вечно пребывающее в абсолютном начале. Такой взгляд на мировую душу был изложен в “Тимее” Платона и затем стал одним из основных пунктов философии Плотина и новоплатоников” (слова, выделенные курсивом, подчеркнуты Блоком в принадлежавшем ему экземпляре книги)⁴⁸.

Так же как Платон, Плотин считал, что познать идеальный мир способна лишь свободная душа человека. При этом, полагал он, душа должна находиться в совершенном особом состоянии, чтобы достичь божественных пределов. Это особенное состояние, когда личность человека, уничтожаясь, как бы поглощается божеством, он называл “экстазом” (с. 319). Признавая значение и силу диалектики, Плотин отдавал явное предпочтение внерациональным способам познания идеального мира. Он утверждал, как пишет Льюис: *“...Пытаться знать бесконечное посредством разума есть напрасное усилие: оно может быть узнаваемо только непосредственным присутствием, <на полях напротив надпись Блока: “Экстаз”>. Способность, посредством которой душа отрешается от своей личности, есть восторг (экстаз). В этом восторге душа освобождается из материальной своей темницы, лишается индивидуального сознания и утопает в бесконечном уме, от которого она исходит. В этом восторге она созерцает реальное бытие: она отождествляется с предметом своего созерцания”* (с. 323).

Заметим, что образ души, возносящейся к Богу, утопающей в “бесконечном”, не раз возникает в ранней лирике Блока. Например, в стихотворении “Преображение” (“Разверзнутся туманы...”, 1901):

В светлый день Преображенья
Дух безумца поражен:
Из неволи, из смятенья

Голос Твой услышал он.

Ныне скорбный, ныне бедный,
В лоне Вечного Отца
Близ Тебя в лазури бледной
Жаждет нового конца...

Лишь одна страна в тумане
(Буревестник на волне) —
Беспокойное желанье
Вместе с Богом — в вышине⁴⁹ (I, 475).

Можно предположить, что эти, и подобные им, строки были навеяны отчасти философскими идеями Плотина о душе, стремящейся познать “реальное бытие” в лоне Творца.

“Энтузиазм, на котором основан этот восторг, — учил Плотин, — не есть постоянно присущая нам способность...<...> *Это мгновенный блеск молнии, переменяющей воспоминание в интуицию, ибо в эту минуту плененная душа отдается своему родителю-Богу*” (с. 323)⁵⁰.

Очевидно, что кульминацией освобождения души из земной “темницы” следует признать момент смерти. Поэтому вполне закономерно, что для Плотина (как и для Платона) смерть не только не является абсолютным концом, небытием, а, напротив, означает переход в некое высшее качество бытия, когда происходит полное освобождение души и слияние ее с “бесконечным”: “*Умереть значит жить настоящею жизнью*; умереть значит потерять ощущение, страсти, интересы, освободиться от условий времени и пространства, потерять личность; но вместе с тем покинуть этот мир и снова возродиться в Боге, покинуть эту хрупкую и жалкую индивидуальность и погрузиться в бытие бесконечное” (с. 335; фрагмент отмечен на полях отчеркиванием, знаками “плюс” и “NB”).

О том, какую власть над молодым Блоком имели подобного рода идеи, можно судить по одной из записей в его дневнике (на первый взгляд странной и загадочной), сделанной в 1902 г. Известно, что в то время Блок вынашивал тайную мысль о самоубийстве в случае, если Л.Д.Менделеева отвергнет его любовь, не захочет связать с ним свою судьбу. Поэту казалось, что он не сможет (а с мистической точки зрения — даже не должен) пережить крушение своих сокровенных надежд на соединение с той, которая была для него земным воплощением Вечной Женственности. Но помимо этого романтического (во многом личного) мотива существовали и другие, менее очевидные и гораздо более отвлеченные, но имевшие тогда для Блока серьезное значение. В частности, он так представлял себе философскую подоплеку добровольного “шага” навстречу смерти: “Наступит время (мо-

мент), когда я *твердо* узнаю, что моя смерть нужна для известного момента...<...> Этот момент будет *отличаться* от других моментов тем, что будет содержать в себе особенно интенсивное накопление твердой уверенности в необходимости прекратить его — притом: не непременно в силу отчаянья... а СКОРЕЕ в силу большого присутствия *силы*, энергии потенциальной, желающей перейти в кинетический восторг...<...> Вместе с этим — высшая цель человека — стремление вперед — и притом скорейшее (наибольшими шагами). Очевидно (ясно), что выражение самого скорого стремления будет самым большим шагом (*summus passus*). Это скачок из того состояния, которое в настоящее время поглощает в себе все остальные его состояния, — в другое <...> *summus passus* в смерть будет выражением самого напряженного стремления — осуществлением высшей цели путем приложения своей высшей способности” (VII, 53 — 54)⁵¹.

Согласно представлениям Плотина, умереть — значит обрести подлинное, реальное “бесконечное бытие”, то есть достигнуть высшей цели. На земле человеку доступны лишь редкие мгновения этого идеального состояния (“короткие моменты восторга”).

В системе ценностей молодого Блока стремление оказаться “за гранью” земной жизни также было связано с идеей резкого перехода из одного состояния бытия в другое, такое, которому на земле могут предшествовать лишь мгновения “кинетического восторга”. Это стремление тоже являлось в сознании Блока выражением некоей высшей цели. Кстати сказать, во многом именно поэтому он никогда не воспринимал смерть как трагедию конца, обрыва, небытия...

Мистико-философские идеи Плотина не однажды возникают в наброске статьи Блока о русской поэзии (декабрь 1901 г. — январь 1902 г.), особенно в тех частях, где речь идет о точках соприкосновения “глубинной” религии с “глубинным” искусством (то есть, в сущности, с творчеством поэтов-символистов и их ближайших предшественников — Тютчева, Фета, Полонского, Вл. Соловьева). “Стихи, — формулировал Блок, — это молитвы. Сначала вдохновенный поэт-апостол слагает ее в божественном экстазе. И все, чему он слагает ее, — в том кроется его настоящий бог” (VII, 22). Жрецы “нового искусства”, в представлении раннего Блока, — это те избранные, кому дано ощущать присутствие божества, улавливать чуткой душой таинственные глубины бытия, скрытые от “непосвященных”: “Толпа может лишь бесноваться перед глухой стеной, скрывающей вечное и неумолимое божество; это божество всегда было далеко от невежд, никогда они не могли ни проникнуть в его тайну, ни познать его; непроницаемые покровы,

открывавшиеся только мудрости или вдохновению, всегда безнадежно опускались перед грубостью умов и сердец” (VII, 26).

Поэты, “апостолы” божества, “уготованы на жертву” (VII, 27). “Но дальше, — писал Блок, — ждет их то великое и непостижимое слияние с прежним источником и страданий и просветлений, которым теперь лишь изредка и бледно тревожат их боги “в пророческих снах”; и все-таки — тревожат — “в предвестие, иль в помощь, иль в награду”. Здесь уже все равно — залетит ли в их “сумрак” “с зеленеющих полей” Психея или сойдет на них божественный “экстаз” Плотина и Соловьева” (VII, 27)⁵².

Касаясь творчества Фета и Вл. Соловьева, Блок высказал предположение, что оба эти поэта, глубоко чувствовавшие Вечно-женственное начало мира, способны были постичь тайны божества: “А может быть, они все узнали, все свершили и действительно замесались теперь в ту “мировую игру”, которую “затеяли боги”, как некогда смертный Геракл был причислен к сонму бессмертных олимпийцев. Ибо недаром же открывал Плотин пути к самопоглощению в боге — пути философии, музыки и любви <...> Эта любовь так таинственна, что мы познаем ее лишь в личном творчестве, когда, в часы экстаза, начинают проходить перед нами дрожащие, непостижимые, странные призраки — “холодные струи нездешних тайн”” (VII, 37).

“Путь философии” может возвысить душу человека и помочь ей прозреть божественные сферы, но для поэта предпочтительнее пути музыки, творческого восторга и любви. Истинный “поэт-апостол”, согласно воззрениям молодого Блока, достигает совершенства не столько силой разума, сколько благодаря мистическому экстазу, наитию, божественному вдохновению, открывающему высшую истину бытия, недоступную подавляющему большинству смертных⁵³.

Неслучайно Блок особо выделил те строки Льюиса о философии Плотина, где характеризуются пути восхождения к божеству, к таинственным первоосновам бытия: “Дойти до вершины и снять покрывало с божества можно, пройдя все науки и с трудом взбираясь по всем ступеням диалектики; но можно также вместо медленного восхождения *очутиться одним прыжком на этой высоте силою добродетели или силою любви. Источник откровения будет всегда один и тот же. Поэт, пророк и философ отличаются только своими точками отправления*” (с. 324; отмечено на полях двумя знаками “NB”, они — напротив слов “силою любви”, которые подчеркнуты с нажимом); “... *переход от простого ощущения или воспоминания к восторгу может совершиться трояко: посредством музыки (в древнем, обширном значении этого слова), посредством диалектики и посредством любви или молитвы.*”

Результат всегда один и тот же — победа всеобщего над индивидуальным” (с. 324).

Трудно, почти невозможно, идти сразу тремя путями. И примечательно, что в поэтическом сознании молодого Блока “бесстрашный гений, миры познавший до конца”, — это человек, который идет к цели, “вложив безумство вдохновений в холодный разум мудреца” (I, 458). Видимо, такими представлялись Блоку Платон и Владимир Соловьев. Сам он уповал прежде всего на поэтическое вдохновение и силу любви⁵⁴. И это понятно: его нетерпеливая, максималистская натура требовала чуда скорейшего “восхождения”, внутреннего преображения, приобщения к мировым Тайнам.

Очень важно учитывать, что в то время (1901 — 1903 гг.) Блок переживал сравнительно короткий период религиозных исканий, связанных с восходящими к Вл.Соловьеву идеями “теургизма”, “богочеловеческого дела”⁵⁵. Именно тогда он глубоко задумывался о возможностях соединения “глубинной” религии с “глубинным” искусством. Ему, как и Вл.Соловьеву, было мало только созерцания и отвлеченной мудрости, которой нет дела до земной жизни. Он хотел большего: обрести магическую силу “теурга”, чтобы оказывать благотворное влияние на действительность, приближая Царство Духа. Для этого-то, казалось ему, и необходимо вплотную приблизиться к мировой Тайне, прикоснуться к Истине, к первоначалам бытия, к Божеству. “Восхождение” к высшим сферам духа, к “вечному бытию”, согласно воззрениям Платона и Плотина, невозможно без полного отречения от брэнной личности. Между тем, теургия как раз предполагала активное участие личности (поэта, пророка, творца) в мистерии преображения мира. Быть бессознательным орудием, “голосом” Бога или “раствориться” в Боге на гребне экстаза — это одно (таково предназначение поэта в представлении Платона и Плотина)⁵⁶. Быть магом-теургом, т.е., в сущности, богочеловеком, преображающим мир, — это другое. Здесь неизбежно сталкиваются личное и вне личное, индивидуальное и надиндивидуальное. Проблема эта приобретала для молодого Блока тем более принципиальное значение, что ему хотелось определиться в вопросе личного участия в деле преображения мира. “Мне кажется, — записал он в дневнике 2 июня 1902 г., — что для деятельности, особенно же мистической, необходимо единство, т.е. так или иначе — известный синтез” (VII, 47). Мечтая о единстве мировоззрения и бытия, Блок размышлял о синтезе “реальном” и о синтезе “апокалипсическом”, окончательном, кардинальном различие которых было для него очевидно. Своими мыслями на сей счет он

делился в письме к З.Н.Гиппиус от <14 июня 1902 г.>, где речь шла о путях соединения эстетики и этики, язычества и христианства, духа и плоти и т.д.: “Вы, если я понял до конца, считаете эти пути доступными нашему логическому сознанию даже настолько, что мы можем двигаться по ним, не нарушая и (более того) — поддерживая связь с жизнью, не отталкивая преднамеренно “шумы” жизни, дабы они не заглушали Великого шороха. Мне иногда кажется, что рядом с этим более “реальным” синтезом, но еще дальше и еще желаннее его, существует и уже теперь дает о себе знать во внутреннем откровении (подобном приблизительно Платиновскому и Соловьевскому), но отнюдь не логически, иной — и уже окончательный “апокалипсический” — синтез... <...> Кажется же мне это не на одном основании “беспредметности” (которая, впрочем, играет здесь некоторую роль), а также и на следующих основаниях: во-первых — к тому единству <т.е. “реальному синтезу” — В.Б.> мы можем деятельно стремиться, это же явится “помимо” воли <...> А во-вторых (и главное), всякий сколько-нибудь *реальный* синтез есть “человеческий” угол зрения. Мы видим только образ грядущего, как видим только образ божий, а не самого бога; а потому — не заключены ли мы по самой природе своей в рамки одного ожидания и относительного (по отношению к последнему) бездействия?” (VIII, 29 — 30).

Вполне вероятно, что Блок воспринимал платиновские “откровения” о путях превращения, “восхождения” к неземному идеалу, к “вечному бытию” главным образом в контексте своих напряженных раздумий о “высшем синтезе”, о вселенском преображении. Долгий путь познания и медленного “делания”, достижение “реального” синтеза — или мгновенный переход из одного состояния бытия в другое посредством “божественного экстаза”, полного отречения души от личности, “шага” в смерть, за которым следует возрождение в Бога? Блок, вслед за Платином, отдавал предпочтение второму пути, условно названному им “апокалипсическим” синтезом; именно этот путь, по его мнению, мог привести к “горним сферам”, “мирам иным”, запредельным, желанным, о которых смутно догадывается вещая душа “поэта-апостола”... ⁵⁷

* * *

В дневнике 1902 г. Блок оставил одно важное свидетельство: Собирая “мифологические” материалы, давно уже хочу я положить основание мистической философии моего духа. Установившимся наиболее началом смело могу назвать только одно: женственное. Обоснование женственного начала в философии, теологии, изящ-

ной литературе, религиях" (VII, 48). Несомненно, многие идеи античных философов (особенно Платона и Плотина) послужили Блоку своего рода "мифологическими" материалами для основания мистической философии его духа, прямо или опосредованно отразившейся в его раннем творчестве.

¹ По сути, есть лишь одна специальная работа, посвященная данной теме: Магомедова Д.М. Блок и античность (К постановке вопроса) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1980. № 6. С. 42 — 49. Некоторые фактические сведения об изучении Блоком античных философов в гимназические годы можно почерпнуть в статьях: Кумпан К.А., Конечный А.М. Александр Блок во Введенской гимназии // Лит. наследство. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 605 — 606; Кумпан К.А. О преподавании "древних языков" во Введенской гимназии (Еще раз к вопросу "Блок и античность") // Александр Блок. Исследования материалы. Л., 1991. С. 151 — 157. Среди известных Блоку-гимназисту учебных книг (они указаны в приложении к данному сообщению К.А.Кумпан) особо отметим следующие: Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. Кн. I. 2-е изд. СПб., 1893. Ч. 1-2; Платон. Апология Сократа. 3-е изд. Царское Село, 1891; Георгиевский М.А. Древнеклассические реалии: Справочная книга и предварительный курс для учеников старших классов гимназии. СПб., 1893. Хронология и содержание университетских занятий Блока древней философией отражены в статье Л.А.Иезуитовой и Н.В.Скворцовой "Александр Блок в Петербургском университете" (В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. Вып. 4. С. 52 — 86).

См. также дополняющую эту статью работу К.А.Кумпан "Александр Блок — выпускник университета" (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 61. № 2. С. 165 — 167).

² Магомедова Д.М. Указ. статья. С. 47.

³ Там же. С. 49.

⁴ История философии как нечто оформленное, сформулированное, вероятно, могла противостоять в сознании Блока живой жизни, творчеству и религии. Ср. высказывание А.Ф.Лосева о соотношении этих разных начал: "Наука статична и холодна; она послушествует законченному и механическому, пространственно-временному миру; она — его отвлеченная копия и аналитически продуманная картина. И в этом ее отличие от жизни, которая не отражает косную картину мира, но есть творчество нового, самостоятельного по отношению к природе мира. Религия есть творческое преобразование косного материального мира, жертвенное его спасение и претворение, жизнью и подвигом данное общение с Тайной. И в этом ее отличие от философии, которая есть не встреча с Тайною в плоти и крови жизненного подвига и дела, но встреча с Нею в понятии, в творчески растущем Понятии" (Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Т. I. С. 101 — 102).

⁵ А.И.Введенский читал в Петербургском университете курс древней философии.

⁶ Блок А. Письма к родным. М., 1927. Т. I. С. 55.

⁷ См.: Библиотека А.А.Блока: Описание / сост. О.В.Миллер, Н.А.Колобова, С.Я.Вовина. Под ред. К.П.Лукирской. Л., 1985. Кн. 2. С. 92 — 111 (№ 571).

⁸ Там же. С. 191 — 194 (№ 702).

⁹ Книга Д.Г.Льюиса сначала принадлежала бабушке Блока Е.Г.Бекетовой. Возможно, некоторые пометы сделаны в ней ее рукой. Однако можно утверждать, что число их очень незначительно.

¹⁰ Как подчеркивал А.Ф.Лосев, в знаменитом изречении Фалеса “все полно богов” заложена как идея “всеобщего одушевления”, так и мысль о “всеобщей божественности” (Указ. соч. С. 105).

¹¹ Блоку было присуще жадное стремление разглядеть в хаосе мира и жизни нечто первозданно-неуничтожимое, “единое”. Ср. в его письме к Андрею Белому от 12 декабря 1903 г.: “Все валится в одну грудку, в которой ищешь того, чего никогда еще не находил <...> Должно же что-то треснуть и разбиться, чтобы под этим “что-то” оказалось единое” (Блок и Белый. С. 72).

¹² Ср. о взглядах пифагорейцев в известных Блоку гимназических пособиях: “... пифагорейцы учили, что... все в мире устроено по числовым отношениям, и, следовательно, число есть выразитель природы всех вещей” (Древнеклассические реалии. СПб., 1893. С. 30); “Число есть начало всех вещей, все по своему существу есть число, ничто не может быть мыслимо и познаваемо без числа” (Платон. Апология Сократа. Ч. 2. Комментарий. Изд. 3-е. Царское Село, 1891. С. 4). Примечательно высказывание Блока о “числах мира” и магии чисел в письме к Андрею Белому от 3 февраля 1903 г.: “Не даны ли нам числа как намек на исход, как символы того, что за ними? Они — не средство ли? “Счесть” число — не значит ли преодолеть его? <...> Счесть свое число значит познать себя, а познав, перестать предаваться вечному здесь самоутверждению” (Блок и Белый. С. 18).

¹³ Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л., 1990. С. 172.

¹⁴ Именно в таком значении Блок употребляет этот глагол в письме к отцу от 1 декабря 1900 г.: “Летом можно больше углубляться в самого себя и числить” (VIII, 14). Ср. также стих. “В посланьях к земным владыкам...” (1903): “Пусть думают — я в пустыне / Блуждаю, томлюсь и числю” (I, 261).

¹⁵ А.Ф.Лосев привел высказывание Шпенглера о сущности “числа” в античной математике, в котором “заключено все мироощущение души, страстно обращенной к настоящему и здешнему. Измерять в этом смысле значит измерять что-либо близкое и телесное” (Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 41).

¹⁶ Александров А. А. Блок в Петербурге-Петрограде. Л., 1987. С. 56 — 57.

¹⁷ Следует отметить при этом, что во втором стихотворении раздела “Распутья”, созданном вскоре после решительного объяснения Блока и Л.Д.Менделеевой, когда она дала согласие стать его женой, вновь возникает мотив “числения” в прежнем значении — как средство разгадать будущее в связи с жизненно важным поворотом в личной судьбе:

И, многовластный, число, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

(“Стою у власти, душой одинок...”, 14 ноября 1902; I, 240)

¹⁸ Платон. Апология Сократа. Ч.2. Комментарий. С. 7.

¹⁹ Ср. в письме Блока к Л.Д.Менделеевой от 16 декабря 1902 г.: “Одна женщина, принадлежавшая к Пифагорейской общине, в VI веке до Р.Х. (заметь, заметить!) написала между прочим вот что: “Когда женщина победит низшие

побуждения и овладеет гневной силой духа, тогда родится в ней божественная гармония". И все эти Пифагоровы братья и сестры считали себя "равными блаженным богам"" (Лит. наследство. М., 1978. Т. 89. С. 85).

²⁰ См.: Магомедова Д.М. Указ. статья. С. 47.

²¹ Героический образ Сократа, возможно, подразумевался Блоком в стихотворении "Вложив безумство вдохновений..." (14 сентября 1900), где лирический герой, смутно припоминаящий свое давнее инобытие на земле, предстает в облике "мудреца", "бесстрашного гения", до конца познавшего миры (I, 458).

²² Подобное отношение отразилось в целом ряде стихотворений раннего периода: "Мне снилась смерть любимого создания..." (1898), "Смерть" ("Пислушайся к земле в родных полях...", 1900), "На смерть деда" ("Мы вместе ждали смерти или сна...", 1902), "Не бойся умереть в пути..." (1902) и др.

²³ Нужно учесть, что стихотворение это создано как раз в те дни, когда Блок завершал работу над "Поэмой философской", целиком навеянной изучением древней философии.

²⁴ Ср., например: "Сама судьба мне завещала / С благоговением святым / Светить в преддверьи Идеала / Туманным факелом моим" ("Сама судьба мне завещала...", 1899; I, 21); "Пусть одинок, но радостен мой век <...> Да, я, как ни один великий человек, / Свидетель гибели вселенной" ("Увижу я, как будет погибать...", 1900; I, 51); "Лишь изредка приносят серафимы / Священный сон избранныкам миров" ("Небесное умом не измеримо...", 1901; I, 91); "Но во мне — потаенное знание / О любви к Тебе без конца" ("Я к людям не выйду навстречу...", 1903; I, 260) и др.

²⁵ Ср.: "Все, духом сильные, — одни / Толпы нестройной убегают..." ("Не доверяй своих дорог...", 1900; I, 50); "Кто ощутит хоть краткий миг / Мой бесконечный в тайном лоне, / Мой гармонический язык" ("Они звучат, они ликуют...", 1901; I, 92); "Я к людям не выйду навстречу, / Испугаюсь хулы и похвал" ("Я к людям не выйду навстречу...", 1903; I, 260); "В посланьях к земным владыкам / Говорил я о Вечной Надежде, / Они не поверили крикам, / И я не такой, как прежде" ("В посланьях к земным владыкам...", 1903; I, 261) и др.

²⁶ Лит. наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 288.

²⁷ Блок А.А. Собрание стихотворений. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1898 — 1904). 2-е изд. М., 1911. С. 212.

²⁸ Предположение Льюиса о записях учеников вряд ли оправдано, поскольку речь явно идет о каком-то ином способе передачи мыслей учителем.

²⁹ Льюис специально отмечает эту характерную черту философа: "Платон отличался постоянной задумчивостью. Большое, широкое чело, от которого он получил свое прозвище, было постоянно нахмурено. Мощные плечи его сгибались под тяжестью дум, как могут сгибаться только плечи мыслителей" (С.194).

³⁰ Не исключено, кстати, что и эти строки, и какие-то фрагменты самой "Поэмы философской" Блок, в принципе, также мог читать у Качаловых осенью 1900 г.; блоковская дата в рукописи (9 — 10 декабря 1900) отражает срок завершения работы над текстом "Поэмы".

³¹ Вместе с тем, это было и довольно традиционное, расхожее представление. Ср. в цитировавшемся уже выше очерке древнегреческой философии: "Платон был ума тонкого и проницательного и обладал необыкновенною силою воображения; возвышенный, поэтический дух его, паривший в сфере идеального, видел в философии единственный путь к самопознанию, к познанию бога и к человеческому счастью" (Платон. Апология Сократа. Ч.2. Комментарий. С. 39).

³² Этот загадочный метафорический образ может быть соотнесен с приведенным выше описанием платонова “жилища богов”, области неосознанного бытия “без цвета”, “без образа”; это предположение, однако, — одно из нескольких возможных.

³³ Последнее двуступенное восходит к Евангелию (Мф., 5, 8). Переплетение мотивов здесь характерно, если вспомнить позднейшую дневниковую запись Блока об этом времени: “Начинается покорность богу и Платон” (VII, 342). Образ “крыльев”, поднимающих ввысь, к небу, встречается во многих ранних стихотворениях: “Я укрыт до времени в приделе, / Но растут великие крыла. / Час придет — исчезнет мысль о теле, / Станет высь прозрачна и светла” (“Я укрыт до времени в приделе...”, 1902; I, 161); “О, если крылами взмахнешь, / С тобой навсегда улечу!” (“На темном пороге тайком...”, 1902; I, 180); “Полетим в беззаконную высь, / В вышине, вздыхая, замрем... / Только ужас рождается здесь, / Там — лишь нежная память о нем” (“Все огни загораются здесь...”, 1902; I, 520); “Но сверкнул мои белые крылья...” (“Я надел разноцветные перья...”, 1902; I, 242) и др.

³⁴ См. об этом: Авраменко А.П. А.Блок и русские поэты XIX века. М., 1990. С. 19 — 22 (в главе “А.Блок и В.Жуковский”, где в интересующем нас аспекте справедливо выделено стихотворение Жуковского “Путешественник”, высоко оцененное Блоком).

³⁵ Творения Платона. М., 1899. С. 18. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием в скобках страницы.

³⁶ Ср. один из постулатов его личной веры: “На темной основе разлада и хаоса невидимая сила выводит светлые нити всеобщей жизни и слаживает разрозненные черты вселенной в стройные образы. Мир не пустое слово; есть в мире смысл, и он всюду проглядывает и пробивается сквозь одержащее его бессмыслие” (Соловьев В. Духовные основы жизни. 3-е изд. СПб., 1897. С. 85).

³⁷ Ср., между прочим, в воспоминаниях Андрея Белого о философских представлениях его и Блока на рубеже веков: “С точки зрения нашего тогдашнего мировоззрения, противоположение души и материи сливается в Духе, обнимающем и материю и душу в действительности, воплощаемой вечностью” (Андрей Белый. Воспоминания об Александре Блоке. — Записки мечтателей. 1992. № 6. С. 23).

³⁸ Фэдон. Разговор Платона. 2-е изд. М., 1896. С. 54.

³⁹ Там же. С. 146.

⁴⁰ Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1907. Т. IX (дополнительный). С. 215 — 216 (перепечатка статьи из словаря Брокгауза и Ефрона).

⁴¹ Там же. С. 216.

⁴² Ср., например, в письме Блока к Андрею Белому от 18 июня 1903 г.: “Два преобладающие настроения (может быть и у Вас, как у меня) — мистическое и скептическое (равнодушное) <...> Скептицизм (принадлежность рассудка) лежит камнем на дороге и объехать его нельзя” (Блок и Белый. С. 34).

⁴³ См. об этом в статье К.Г.Исупова “Историзм Блока и символистская мифология истории (Введение в проблему). // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 8 — 12.

⁴⁴ Исупов К.Г. Указ. статья. С. 8 — 9.

⁴⁵ Мысль о возможности такого влияния вызывают, вероятно, слова Блока о “возвратном движении”. См., например: Магомедова Д.М. Блок и античность. С. 46. Сам Блок указывал, что в стихотворении отразились его впечатления от картины, которую он наблюдал в окрестностях Шахматова: деревья березовой

рощи и облака, освещенные лучами заходящего солнца, показались ему видением средневекового города.

⁴⁶ Ср. запись Блока в дневнике, относящуюся к 1902 г.: “Мой скепсис — суть моей жизни” (VII, 53).

⁴⁷ Магомедова Д.М. Указ. статья. С. 47.

⁴⁸ Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1907. Т. IX (дополнительный). С. 19.

⁴⁹ Ср. также в стихотворении “Новый блеск излило небо...” (1900): “Вознесая стезею бледной / В золотое *без конца*, / Стану, сын покорно-бедный, / В осяянности творца” (I, 456).

⁵⁰ Ср. примечательную запись Блока в дневнике от 2 апреля 1902 г.: “Что ж, расплывусь в божге, разольюсь в мире и буду во всем тревожить Ее сны” (VII, 45).

⁵¹ Характерно, что о самоубийстве студента Лапина Блок написал, что оно произошло “от избытка жизненной силы” (ЗК. С. 42).

⁵² Льюис, излагая учение Плотина, так писал о приобщении души к “бесконечному бытию”, к вечной жизни в лучах божества: “Какие-то слабые проблески этой жизни, какие-то задатки невыносимого для смертных чувств сияния, проявляются в короткие моменты восторга, когда душа поглощена бесконечным, хотя и не может надолго пребывать в нем. Эти чудные, короткие мгновения открывают нам божество и показывают нам, что в глубине нашей личности кроется луч божественного источника света, луч, постоянно стремящийся высвободиться и возвратиться к своему источнику” (с. 335); фрагмент отмечен на полях знаками “плюс” и “NB”). Ср. высказывание Блока в дневнике о “минутном постижении тайны”: “Такое испытание “мига” доступно нам, как явствует из жизни учений и пророчеств древних и новых “богоискателей”” (VII, 51 — 52).

⁵³ Существенно, что понятие “божественного экстаза” Плотина в чем-то близко платоновским представлениям о вдохновении, которое нисходит, как благодать, на пророков и поэтов. Ср. в диалоге Платона “Ион”: “... Легкое существо поэт и крылатое и священное, и творить он способен не прежде, чем станет боговдохновенным и иступленным и потеряет присутствие ума; а пока владеет умом, никакой человек не способен творить и прорицать” (Творения Платона. С. 165).

⁵⁴ Ср. в стихотворении “Наступает пора небывалая...” (1901): “Вижу — к высшему небу возносится / Безначальная дума Любви” (I, 475).

⁵⁵ Вл. Соловьев “рассматривал все творчество как теургическое, связывая... теургическую силу непосредственно с религиозным таинством” (Юрьева З.О. Андрей Белый: преобразование жизни и теургия. — Русская литература. 1992. № 1. С. 59).

⁵⁶ Льюис, излагая взгляды Плотина, в частности, писал: “Индивидуальное исчезает, потому что оно индивидуально; только всеобщее длится. Индивидуальное, конечно, разруσιμο; всеобщее бесконечно, бессмертно. Бог есть единственное бытие; он есть реальное бытие, которому как мы, так и другие вещи, служим временными только проявлениями” (с. 335; отмечено подчеркиванием на полях).

⁵⁷ Ср. в письме Блока к А.В. Гиппиусу от 23 июня 1902 г.: “Изредка открываю древние и современные Апокалипсисы, считываю давно ожидаемые и знакомые откровения, дроблю и опять чеканю в горнилах и логики и мистики <...> Милый и дорогой мой, бодрствуйте только чаще, ведь мы не бедны, а богаты. И что стоит нам открыть в себе бога?” (VIII, 32, 33).